

A close-up, high-contrast photograph of a man's face. The left side of his face, including his eye and cheek, is covered in golden-brown dragon scales. He has a serious expression, with a slight furrow in his brow. His right eye is visible, showing a detailed iris with a dark pupil and a lighter, almost blue, outer ring. The lighting is dramatic, coming from the right, highlighting the texture of the scales and the contours of his face.

Надежда Паршуткина

Ланд Контри

Надежда Паршуткина
Ланд Контри

«Автор»

2026

Паршуткина Н.

Ланд Контри / Н. Паршуткина — «Автор», 2026

В мире, где легенды ходят по земле, он — величайшая из них. Но даже у легенд есть свои тени. Наследный принц-дракон, сталкивается с угрозой из самого сердца семьи. Его младший брат, ослеплённый жаждой власти, начинает игру за престол. А древнее пророчество ведьм грозит отнять у принца последнее, что у него есть, — надежду на любовь. Ему предстоит доказать, что даже предначертанной судьбе можно бросить вызов.

© Паршуткина Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Надежда Паршуткина

Ланд Контри

Ланд Контри

Анно:

В мире, где легенды ходят по земле, он — величайшая из них. Но даже у легенд есть свои тени.

Наследный принц-дракон, сталкивается с угрозой из самого сердца семьи. Его младший брат, ослеплённый жадой власти, начинает игру за престол. А древнее пророчество ведьм грозит отнять у принца последнее, что у него есть, — надежду на любовь. Ему предстоит доказать, что даже предначертанной судьбе можно бросить вызов.

От автора

Дорогие мои, вы вошли в историю, которая взяла начало еще два года назад в книге «Сердце дракона». Все мы помним, как в жизни Натали появился Ланд? Нет? Тогда приглашаю вас в книгу «Сердце дракона.»

Все же мои дорогие читатели меня уговорили написать отдельную историю про Ланда. Потому что многим интересно; а как это было? почему он стал именно таким? И как он появился в книге «В плену желаний.»

Ну что ж, я когда-то, два года тому назад дала обещание, что напишу его историю, время пришло. Ведь Ланд, дракон древний и прожил не один десяток, а пятьсот столетий. Так что же все-таки происходило все это время с ним, и почему он встал на путь разбойников.... Давайте узнаем?!

Я буду очень признательна вашим звездочкам, комментариям и библиотекам. Для меня это как живительный нектар.

С уважением и любовью, ваша Надежда.

Глава 1

- Ваше высочество, немедленно вернитесь! - воскликнула миссис Дороти и, судорожно подхватив юбки, пустилась бежать по мраморной лестнице за мной.

Я бежал, заливаясь смехом, потому что знал - она меня не догонит. Сейчас нужно резко свернуть налево, в темный проход к старому подвалу, а там за третьей, обитой железом дверью тайный выход в сад. Я набрал скорость, и сердце заколотилось в груди не от страха, а от восторга свободы. А в дальнем конце сада, за густыми зарослями драконьего папоротника, была та самая калитка, которую никто не охранял и, кажется, все давно про неё забыли.

Я выскочил за ограду и вдохнул полной грудью. Пахло пылью, жареными каштанами и настоящей жизнью. Я попал на оживленную городскую улицу, где не было ни слуг, ни гувернанток, где никто не хватал за рукав и не читал нудных нотаций о том, как должно вести себя драконье высочество.

Пробежав еще две улицы, я выбежал на центральную площадь. Здесь кипела настоящая жизнь! Не чопорная и тихая, как во дворце, а громкая, пестрая и пахнувшая чем-то невероятно вкусным. Повсюду толпился народ, смеялись дети, а в самом центре, на скрипучем деревянном помосте, актеры как раз начинали свое представление.

Я ловко проскользнул между взрослыми, нашел отличное местечко на теплых ступенях старого фонтана и устроился поудобнее, поджав под себя ноги. На сцене был самый разгар комедии. Один актер, с длиннющей седой бородой из пакли, изображал старого дракона-ученого, который вечно все забывал. Он то и дело чихал, и из его ноздрей вырывались не огромные языки пламени, а лишь смешные колечки дыма, которые тут же развеивались ветром. Он искал свои очки, а они у него были на лбу! А его помощник, юный дракончик в слишком большом для него колпаке, бегал вокруг и весело пытался подсказать, но только все путал, отчего получалось еще смешнее.

Я смеялся так громко, что у меня слезы выступили на глазах и живот начал болеть. Я огляделся вокруг смеялись все: и седые старики, и молодые парни, и мамы с детьми на плечах. Здесь никто не смотрел на меня как на принца, не ждал, что я буду сдерживать эмоции и вести себя «подобающе». Здесь я был просто мальчишкой, одним из многих, кто пришел посмотреть на спектакль. Это было чудесное чувство — раствориться в толпе, быть частью этого общего веселья.

Спектакль длился почти до заката. Когда актеры, раскланиваясь под оглушительные аплодисменты и крики «Браво!», ушли со сцены, я подумал, что все закончилось. Но оказалось, что самое интересное только начиналось.

Солнце уже почти скрылось за крышами домов, окрасив небо в густые оттенки фиолетового. И в эту наступающую темноту вдруг ударил первый салют.

Огненный шар с шипением взмыл в небо и с громким хлопком рассыпался на тысячи искрящихся золотых искр, которые медленно угасали, отражаясь в широко распахнутых глазах толпы. Это было так красиво, что у меня перехватило дыхание. Вслед за первым в небо взвился второй, третий... Они распускались, как диковинные цветы: синие, как васильки, красные, как рубины, зеленые, как изумрудная чешуя дракона. Огненные змеи извивались в небе, с треском рассыпались на сверкающий дождь, а самые громкие взрывали ночь огромными серебряными шапками одуванчиков.

И тут же, словно подхваченная этим взрывом веселья, заиграла музыка. Не чинная дворцовая мелодия, а живая, ритмичная, с бойким стуком барабанов и залихватским напевом дудок. Толпа на площади ожила, задвигалась, и люди начали сходиться в хоровод. Взявшись за руки, они начали танцевать, кружиться, подпевая знакомую всем песню о лете и солнце.

Пахло жареными каштанами, сладкой ватой и праздником. Воздух дрожал от грома салютов, смеха и музыки. Я сидел на своем камне, совершенно очарованный, пытаюсь вобрать в себя каждую секунду, каждый звук, каждую вспышку света в ночном небе. Я забыл о времени, о дворце, о миссис Дороти.

Только сейчас до меня дошло — ведь это же Праздник Летнего Равноденствия! Самый долгий день в году, день, когда лето вступает в полную силу. Во дворце его отмечали торжественным обедом и скучными речами. А здесь, в городе, его отмечали вот так, всем сердцем, всей душой, всем городом, вместе.

Ноги гудели от усталости, а в голове еще стоял грохот салютов и звон смеха. Я брел обратно, проклиная свои туфли, которые натерли пятки. Улочки потихоньку пустели, праздник затихал, перетекая в чьи-то дома, и только я оставался один под темнеющим небом.

И тут я услышал этот звук. Тихий, надрывный, совсем не вяжущийся с сегодняшним весельем. Он доносился из темного переулка между булочной и лавкой лудильщика. Я замедлил шаг, прислушался. Плач. Кто-то плакал так, словно у него умер самый лучший друг.

Я заглянул за угол. В глубокой тени, подле мусорного бака, сидел на корточках парнишка. Лохмотья, которые на нем висели, сложно было назвать одеждой. Он весь перемарался в пыли, а по грязным щекам ручьями текли слезы. Он даже не всхлипывал, а тихо выл, уткнувшись лицом в колени.

- Эй! Ты чего? - выпалил я, не особо думая.

Он вздрогнул и резко поднял голову. Его глаза, широкие и испуганные, блеснули в темноте. Он не ответил, просто смотрел на меня, словно я привидение. Я сделал шаг ближе, и тогда увидел. На его щеке, от скулы и почти до подбородка, зияла свежая, сочащаяся кровью ссадина. Словно его ударили чем-то тяжелым и шершавым.

У меня внутри все перевернулось. Еще час назад я смеялся до слез, а сейчас смотрел на совсем другие слезы.

- Кто тебя так? - спросил я уже тише, опускаясь перед ним на одно колено.

Он всхлипнул, вытер лицо грязным рукавом, размазав грязь и кровь.

- Мистер Громорег... - прохрипел он, и имя прозвучало как ругательство.

- За что? - не унимался я.

- За то... что я сегодня ничего не принес... - он снова закрыл лицо руками, и его плечи затряслись от новой волны отчаяния. - Ни монетки, ни еды... сказал, что я бездельник и тунеядец...

Я часто видел нищих в городе из окна кареты. Отец говорил, что это печальная, но неотъемлемая часть мира. «Невозможно помочь всем, сынок, — говорил он. — Сколько бы мы ни раздавали денег, всегда найдутся те, кто не сможет их правильно взять и применить». Его слова звучали такими мудрыми и спокойными, глядя на нищих сверху вниз. Но здесь, в воняющем переулке, стоя на колене перед плачущим мальчишкой, я не видел «части мира». Я видел только его ссадину и босые, в синяках и ссадинах, грязные ноги.

- Надо рассказать твоим родителям, - сказал я с наивной уверенностью принца, который привык, что у всех есть родители, к которым можно апеллировать.

Он просто покачал головой, не отрывая рук от лица.

— Я сирота.

И тогда это случилось. Без всякой мысли, без плана, потому что я не мог просто так уйти. Потому что его босые ноги смотрели на меня как обвинение. Я схватил его за рукав.

— Пошли.

Он не сопротивлялся. Он позволил мне поднять себя на ноги и повести, словно ему было уже абсолютно все равно, куда идти и что с ним будет. Он шел покорно, плетясь следом, как

щенок. Мы вышли из переулкa под тусклый свет уличного фонаря, и я увидел все подробнее. Протертые до дыр штанины. Грязь под обломанными ногтями. И эти ноги... босые, шлепающие по холодному камню. От этого зрелища у меня в горле встал комок, стало противно и горько за весь этот вечер, за свой побег, за свой смех, пока этот парень голодал и его били.

Отец говорил, что нельзя помочь всем. Может быть, он прав. Но я не могу помочь всем. Но я могу помочь ему. Одному. Прямо сейчас.

Я потянул его за рукав сильнее, сжав зубы.

— Не бойся, — пробормотал я больше для себя. — Пошли ко мне.

Глава 2

Его босые ноги шлепали по холодному камню подвала, и этот звук отдавался в моей груди странной тяжестью. Я вел его за руку — его пальцы, холодные и липкие от слез и грязи, беспомощно лежали в моей ладони. Он шел, не глядя по сторонам, опустив голову, словно пленник, идущий на казнь.

— Ничего, не бойся, — бормотал я, больше чтобы заглушить собственное нервное потрясение. — Здесь темно, но я знаю дорогу.

Я провел его через потайную дверцу в стене, задрапированную гобеленом, и мы выскользнули в огромный, пропитанный ночной прохладой бальный зал. Мраморный пол ледяными иглами колот его босые ступни, и он инстинктивно жался ко мне, пугаясь собственных шагов, гулко отдававшихся под сводами спящего замка. Мы крались, как две тени, по ковровым дорожкам, минуя портреты строгих предков, чьи глаза, казалось, следили за нами из полумрака. Я чувствовал, как его рука все сильнее дрожит в моей.

Наконец я затянул его в свою спальню и, обернувшись, щелкнул пальцами. Магические светильники у изголовья кровати и у камина мягко вспыхнули, заливая комнату теплым золотистым светом.

И тут он поднял голову.

Его глаза, еще заплывшие от слез, вдруг стали огромными, круглыми, как блюда. Он обвел взглядом высокие потолки с росписями, огромную кровать с шелковым балдахином, разбросанные повсюду игрушки — точные модели драконов из серебра и черного дерева, глобусы с созвездиями, сверкающие на полках безделушки. Его взгляд скользнул по гобеленам, по тяжелым бархатным шторам, по моему собственному портрету в расшитом золотом камзоле. Его рот был приоткрыт от изумления.

— Где мы? — выдохнул он, и его голос прозвучал как шелест листьев, полный благоговейного ужаса и невероятного потрясения.

— У меня дома, — ответил я просто, вдруг почувствовав неловкость от всей этой роскоши, которая всегда была для меня такой привычной.

Он медленно перевел на меня свой взгляд, в котором читалась полная потерянности.

— Ты... ты ангел? — прошептал он с такой искренней верой, что у меня защемило сердце.

Я фыркнул, но это получилось как-то нервно и сдавленно.

— Ха-ха... Нет. Я не ангел.

В этот момент дверь в мою комнату с тихим скрипом открылась. На пороге стояла миссис Дороти. Ее лицо было бледным от беспокойства и гнева, глаза метали молнии.

— Ланд Контри! — начала она своим самым грозным, леденящим душу голосом, который обычно заставлял меня съеживаться. — Я не знаю, где вы пропадали, но я требую немедленного...

Она замолкла на полуслове. Ее взгляд упал на моего спутника. На его грязные, окровавленные ноги, оставлявшие следы на светлом ковре. На его лохмотья, резко контрастирующие с бархатом и шелком. На его перепачканное, испуганное личико. Ее глаза округлились точно так же, как у него минуту назад.

— О Боги! — вырвалось у нее, и это была уже не сердитая нянька, а просто потрясенная женщина. Она поднесла руку ко рту. — Это... что это?!

Я выпрямил спину, пытаюсь казаться на полголовы выше, чем был на самом деле. Я все еще держал его за руку, и теперь сжал ее чуть крепче, чувствуя, как он весь напрягся.

— Это мой друг, — объявил я, стараясь, чтобы мой голос звучал властно и безапелляционно, как у отца, когда он отдает приказы. — И я требую, чтобы его немедленно помыли, переодели во что-нибудь приличное и накормили. Сытно. Прямо сейчас.

Миссис Дороти еще секунду стояла, словно парализованная, беззвучно шевеля губами. Затем ее лицо снова исказилось целой гаммой чувств — ужас, паника, недоумение.

— О БОГИ! — вскрикнула она уже на всю спальню и, не сказав мне больше ни слова, развернулась и выскочила из комнаты. Ее панические восклицания и приглушенные крики: «Сир!.. Повар!.. Горячую воду!.. О Боги!» — быстро затихли в коридоре.

Дверь захлопнулась, и мы снова остались одни в оглушительной тишине моих покоев, лишь потрескивали поленья в камине. Я обернулся к мальчишке. Он смотрел на меня, и в его глазах теперь читался уже не благоговейный ужас, а животный, первобытный страх. Он только что понял, куда я его привел.

Тишину в комнате разорвал его сдавленный, полный трепета шепот. Он вырвал свою руку из моей и отшатнулся, как будто обжегшись о роскошь, что его окружала. Его глаза, уже не заплаканные, а дикие от испуга, метались по комнате, срисовывая каждую деталь — герб на камине, серебряные подсвечники, мой портрет в парчовом камзоле.

— Ты... кто? — прошептал он. — Как мы сюда попали? Это... это ведь покои принца?

Он произнес слово «принц» так, как будто это было что-то мифическое и пугающее, вроде призрака или древнего духа. Я почувствовал, как по моей спине пробежали мурашки. Не от страха, а от странного осознания. Для меня это был просто дом. Для него — непостижимый мир.

— Да, — ответил я, стараясь говорить как можно спокойнее, чтобы не напугать его еще сильнее. — Это мои покои. Я Ланд.

Его лицо исказилось от полного непонимания. Он смотрел на мой простой, испачканный пылью с побега наряд, потом на богатство вокруг, и ничего у него не сходилось.

— А тебя как зовут? — спросил я.

Он опустил глаза, снова превращаясь в того самого испуганного зверька из переулка.

— Нейл.

— Нейл, а дальше? — поинтересовался я, ведь у всех должно быть полное имя.

— Просто Нейл, — упрямо буркнул он в пол. Но потом, краем глаза увидев мое нахмуренное лицо, сдался и добавил тише, с какой-то горькой обреченностью: — Я сирота. У сирот только имена. Фамилии не положены.

Мне нечего было на это ответить. Этот простой факт прозвучал как приговор. В эту неловкую паузу дверь в комнату с грохотом распахнулась.

Ворвалась миссис Дороти, запыхавшаяся и вся красная от волнения. А за ней... за ней шел отец.

Он не врывался. Он входил. Размеренно, тяжело, и каждый его шаг отдавался в моих ушах гулким эхом. Его лицо было высечено из камня — губы сжаты в тонкую тугую ниточку, брови сдвинуты. Он был облачен в свой вечерний бархатный халат, и это делало его менее официальным, но оттого лишь более грозным, как скала перед бурей. Он вошел, остановился посреди комнаты и уставился на меня. Его взгляд, тяжелый и пронзительный, заставил меня внутренне съежиться. Потом он медленно, с холодным любопытством, перевел его на Нейла, который, казалось, готов был провалиться сквозь пол от страха. И, наконец, этот взгляд снова вернулся ко мне, пригвоздив к месту.

— Ланд Контри, — его голос был тихим, но в тишине комнаты он прозвучал громче любого крика. — Что все это значит?

Сердце колотилось у меня где-то в горле. Но я помнил о Нейле. О его босых ногах и кровавой щеке.

— Я все объясню, отец, — выдохнул я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но прежде... пожалуйста, надо, чтобы Нейла переодели во что-то сухое и накормили. Он очень голоден.

Отец замер на мгновение, изучая меня. Казалось, он взвешивал каждое мое слово на невидимых весах. Потом кивнул, не меняя выражения лица.

— Миссис Дороти, займитесь, пожалуйста, этим юношей.

Няня, с облегчением выдохнув, но все еще ворчливо вороча нос, как будто в комнате пахло не бедой, а чем-то неприятным, взяла осторожно Нейла за плечо. Тот бросил на меня последний испуганный взгляд, прежде чем его увели. Дверь закрылась, и мы остались одни.

Тишина стала густой, давящей. Отец медленно подошел ко мне, и я почувствовал себя совсем маленьким.

— Ты опять сбежал, — констатировал он, и в его голосе не было вопроса, лишь усталое разочарование. — И, я полагаю, пропустил все свои послеобеденные занятия. Как же ты станешь мудрым и честным правителем, если ты не можешь отвечать даже за свои утренние поступки?

Гордость во мне вскипела.

— Я знаю сегодняшнюю тему! Про смену времен года и праздник Равноденствия! А убежал я потому, что хотел увидеть настоящий праздник, а не читать о нем в книжках! Я все видел! И спектакль, и салюты!

— Сын, — его голос смягчился, но стал оттого еще тяжелее, — Ты понимаешь, что из-за таких побегов может случиться непоправимое? Один неверный шаг, одно доверие не тому человеку... Я не могу этого допустить.

— Я знаю, — упрямо повторил я, глядя куда-то в область его бархатного пояса.

— А этот мальчик... — отец сделал легкий жест в сторону двери. — Зачем? Объясни мне. Зачем ты привел его сюда, в самое сердце нашего дома?

Я поднял на него глаза, и на этот раз мой взгляд был твердым. Я знал ответ. Единственно верный ответ.

— Он мой друг.

Отец вздохнул. Это был долгий, усталый звук, полный тысячу несказанных слов о долге, ответственности и границах, которые я перешел.

— Друг? — он произнес это слово с легкой, почти незаметной иронией. — Хорошо. Если он твой друг, то ты за него теперь и отвечаешь. Ты наказан. К завтрашнему вечеру я жду от тебя полный и подробный доклад по всей истории королевства Виона. От основания до наших дней. Без единой ошибки.

Внутри у меня все упало. Это были месяцы работы. Это было невозможно.

Но я стиснул зубы и кивнул, глядя ему прямо в глаза.

— Хорошо.

Он еще секунду постоял, что-то пытаясь прочитать на моем лице, потом развернулся и вышел. Дверь закрылась беззвучно. Я остался один в центре своей огромной, вдруг ставшей очень пустой комнаты, слушая, как трещат дрова в камине.

Глава 3

Дверь в мои покои открылась с тихим скрипом, и я замер, будто увидел призрак. На пороге стоял Нейл, но это был совсем не тот грязный оборвыш из переулка. Его вымыли до скрипа, и свет огня в камине золотил его еще влажные волосы. На нем был надет один из моих старых спальных комплектов — мягкая шелковая рубашка и штаны, которые сидели на нем чуть мешковато, но были чистыми и пахли лавандой, которой служанки перекладывают белье. Он стоял, опустив глаза и сжимая в красных от терния пальцах край рубашки, словно боялся испачкать или порвать дорогую ткань. Он казался еще более хрупким и потерянным в этой новой, чужеродной для него чистоте.

Вслед за ним служанки внесли и расставили на низком столике у камина целый пир: жареную курицу с хрустящей кожицей, теплый хлеб, на который так и просилось свежее масло, янтарный мед в глиняной горшочке, сладкие пироги с ягодами и кувшин холодного молока. Аромат разнесся по комнате, и я увидел, как у Нейла предательски дернулись ноздри и сглотнул он с трудом.

Когда служанки удалились, мы остались одни. Я усадил его за столик и навалил ему на тарелку всего побольше. Первое время он ел заторможено, скованно, словно боялся сделать лишнее движение или проронить крошку на идеально чистый пол. Он кушал медленно и аккуратно, будто разгадывал сложную головоломку, а не ел курицу. От этого у меня в груди заняла какая-то странная тяжесть.

Мне стало невыносимо жаль его и я начал шутить. Сначала неуклюже, рассказывая о том, как однажды на уроке этикета я так усердно кланялся важной герцогине, что чуть не свалился в камин. Нейл лишь робко поднял на меня глаза. Тогда я скорчил рожу, изобразив ту самую герцогиню — надул щеки и стал важно ходить по комнате, ковыряя воображаемой палочкой в несуществующих зубах.

И тут я увидел это. Уголки его губ дрогнули. Потом дрогнули снова. И на его серьезном лице проступила осторожная, робкая, совсем еще детская улыбка. Она была похожа на первый луч солнца, пробивающийся сквозь грозовые тучи — неуверенная, но такая теплая и настоящая. Он даже фыркнул, но тут же смутился и прикрыл рот ладонью, как будто совершил что-то неприличное. Но глаза его уже смеялись. Немного испуганно, но смеялись.

Мы доели почти в тишине, но теперь она была не неловкой, а мирной. Никто так и не пришел сказать, куда определить Нейла на ночь.

— Ладно, — сказал я, решительно хлопнув себя по коленям. — Спать будешь со мной. Кровать огромная, мы и не заметим друг друга.

Глаза Нейла снова округлились от ужаса.

— Нет! — вырвалось у него так громко и резко, что я вздрогнул. — Я не могу... Это не... Я на полу. Или вот там, — он указал на широкий кожаный диван у стены, заваленный декоративными подушками.

Он говорил с такой непоколебимой уверенностью, будто предложение лечь в королевскую кровать было сродни кощунству. Я понял, что спорить бесполезно.

Мы устроили ему постель на диване. Я притащил свое самое пушистое и теплое шерстяное одеяло и самую мягкую подушку из пуха лебедя. Нейл снова смотрел на все это с благоговейным ужасом.

Погасив свет, я забрался в свою огромную пустую кровать. В комнате было тихо, слышалось лишь потрескивание дров в камине и тихое, ровное дыхание со стороны дивана. Я долго ворочался, думая об этом странном дне, об отце, о наказании... и о мальчике, который спит

сейчас в десяти шагах от меня, в моей одежде, в моей комнате, но все еще в своем совершенно другом, полном лишений мире.

Утро началось для меня рано, я проснулся и первым делом повернулся к дивану.

Он спал. Спал так, как, наверное, не спал никогда — глубоко, безмятежно, полностью утонув в мягкости дивана и моем одеяле. Он лежал на боку, подтянув колени к груди, в самой что ни на есть позе эмбриона. И он обнимал мою подушку. Обнимал ее так крепко, так нуждающиеся, словно это был не просто кусок ткани, набитый пухом, а единственный якорь в этом незнакомом и пугающем море роскоши. Его лицо, умытое и спокойное, теперь казалось совсем детским, без следов вчерашних слез и боли. В свете утреннего солнца, пробивавшегося сквозь щели в шторах, он выглядел... в безопасности.

Я не стал его будить. Я просто лежал и смотрел на него, и впервые за долгое время в моей груди шевельнулось странное, новое чувство. Это была не жалость. Это было что-то большее. Что-то тяжелое и теплое одновременно. Чувство ответственности.

Своды дат, имена королей и даты битв расплывались перед глазами в утомительном танце. Я уткнулся лбом в прохладную страницу тяжелого фолианта, пытаюсь вбить в себя хоть что-то о третьей династии Вионы. Воздух у стола был густым и пыльным, пах старым пергаментом и тишиной, которую нарушало лишь потрескивание поленьев в камине.

Я услышал тихое движение на диване. Отложил книгу и обернулся. Нейл протер сонные глаза кулаками, потом сел, укутанный в мое одеяло, и уставился на меня. В его широко распахнутых глазах читалось такое глубочайшее изумление, будто он видел перед собой не меня, а какое-то диковинное существо.

— Я думал... это все был сон, — прошептал он так тихо, что я едва разобрал слова. Его голос был хриплым от сна и неверия.

— Нет, — ответил я, стараясь, чтобы мой тон был мягким. — Это не сон. Все по-настоящему.

Он медленно оглядел высокие стеллажи, заставленные книгами, мой письменный стол, заваленный свитками, и его лицо омрачилось. Он съежился, словно ожидал удара.

— Ваше высочество... когда вы меня отпустите? — спросил он, снова опуская глаза и обращаясь ко мне на «вы» с какой-то подобострастной жутью.

Меня это задело. Не его вопрос, а эта внезапная пропасть между нами, которая, казалось, возникла за ночь.

— А ты хочешь уйти? — переспросил я.

— Мне здесь не место, — просто сказал он, и в этих словах не было ни злости, ни обиды, лишь простая, горькая констатация факта, которую он, видимо, считал непреложной истиной.

— А где твое место? — не отступал я.

Он замолчал, его пальцы безнадежно теребили край одеяла.

— Я... я не знаю.

Тогда во мне что-то дрогнуло. Какая-то стена отчуждения рухнула. Он был не наглецом, не попрошайкой. Он был просто потерянным.

— Оставайся, — сказал я твердо. — А дальше будет видно. Тебе все равно некуда идти. Иди, умойся и завтракай, а то ты уже проспал утреннюю трапезу.

Он молча кивнул, подобострастно скользнул с дивана и, крадучись, как мышка, вышел в соседнюю комнату. Я снова погрузился в чтение, пытаюсь вспомнить, кто кого предал в «Битве у Пепельных холмов».

Через некоторое время он вернулся. Его волосы были мокрыми, лицо — чистым. Он нес в руке булку, от которой отломил крошечный кусочек. Подошел и сел на ковер поодаль от меня, подобрав под себя ноги, словно боялся помешать.

Я делал вид, что не замечаю его пристального, изучающего взгляда. Но он был таким тяжелым, что я наконец не выдержал и поднял глаза.

— Что вы делаете? — спросил он, чуть подавшись вперед.

— Учю историю королевства Виона, — буркнул я, снова чувствуя тяжесть этого груза на своих плечах.

Он нахмурился, явно напрягая память.

— Зачем? Оно же... далеко. За горами.

Я не сдержал горькой усмешки.

— Отец приказал. В наказание. И, Нейл, давай на «ты», ладно? Я же говорил, меня зовут Ланд.

Он кивнул, но, кажется, мое имя так и не решился произнести вслух. Я снова уткнулся в книгу, чувствуя его любопытный взгляд на себе. Он молчал, и это молчание было оглушительным. Когда я наконец с грохотом захлопнул фолиант, отложив его до лучших времен, он вздрогнул.

Я увидел, как его взгляд упал на книгу. Сначала робко, потом с растущим интересом. Он потянулся, взял ее — его тонкие пальцы с благоговением обвели золотое тиснение на корешке. Он осторожно открыл тяжелую крышку, перелистнул несколько страниц, покрытых ровными строчками, и... его лицо вытянулось от полного недоумения. Он перелистал еще, быстрее, его брови поползли все выше ко лбу. Потом он посмотрел на меня с таким искренним, неподдельным интересом, что у меня сердце ушло в пятки.

— Как ее читать? — спросил он, и в его голосе звучала настоящая, детская растерянность. — Она же... без картинок.

Мир на мгновение замер. В голове у меня что-то щелкнуло.

— Так я... буквы читаю, — тяжело выдохнул я, и мои слова прозвучали приговором.

Он уставился на меня, и в его глазах читалось непонимание, смешанное с каким-то суеверным страхом.

— Буквы? — переспросил он, как будто я только что сообщил ему, что умею летать силой мысли.

В тот день никто так и не пришел за ним. И на следующий — тоже. Я делил с ним все, что у меня было: свою комнату, свою еду, свою одежду. Я водил его с собой на занятия — к учителю фехтования, к наставнику по этикету, к звездочету.

И очень скоро я с ужасом начал понимать. Все, что знал этот десятилетний мальчишка, сводилось к одному: как просить милостыню, как воровать, не попадаясь, и как прятаться так, чтобы тебя не нашли. Он не знал названий стран, не знал, из чего делают хлеб, не знал, почему идет дождь. Его мир был размером с темный переулок и ограничивался фигурой мистера Громорега.

Апофеозом всего стала медитация. Мы сидели с ним в тихом зале, учитель объяснял основы сосредоточения, поиска внутреннего пламени — того самого, что позволяет нам обрести истинную форму. Он подошел к Нейлу, мягко положил руку ему на лоб, пытаясь ощутить его энергию. Лицо учителя из спокойного и умиротворенного постепенно стало озадаченным, потом настороженным, а затем и вовсе исказилось в чистейшем, неподдельном ужасе.

Он отшатнулся от Нейла, как от ошпаренного, и схватился за голову руками.

— Да хранят нас предки! — выдохнул он, и его голос дрожал. — Дитя... твой дракон... он еще не проявился? Ты ни разу в жизни не чувствовал зова плоти? Ни разу не оборачивался?!

Нейл, напуганный его реакцией, мог только беспомощно покачать головой, съежившись под этим взглядом, полным не веры, а какого-то животного страха.

Учитель стоял, качаясь, и причитал что-то несвязное, бормоча о «величайшей аномалии» и «противоестественности». А я просто смотрел на Нейла. На этого мальчика, который не умел читать, не знал своего места в мире и даже не был по-настоящему драконом.

Глава 4

Прошло три месяца. Три месяца, которые перевернули мой мир с ног на голову. Раньше мои покои были просто местом, где я спал и делал уроки. Теперь они стали центром вселенной, полной смеха, шепота зазубренных фраз и радостного хаоса.

Стол, заваленный свитками и книгами, теперь был поделен строго пополам. С одной стороны лежали мои сложные трактаты по истории и стратегии, с другой — аккуратные стопки с простыми азбуками и прописями Нейла. Сначала это было похоже на попытку научить котенка говорить. Он смотрел на закорючки букв с таким же недоумением, как я когда-то на звездные карты. Его пальцы, ловко умевшие вытащить кошелек из самого тугого кармана, отказывались правильно держать перо, пачкаясь в чернилах до локтей.

Но я не сдавался. И он — тоже. Мы сидели долгими вечерами, после официальных уроков с преподавателями, которые, к моему удивлению, с радостью взялись помочь «юному гостю его высочества». Я водил его рукой, выводил палочки и крючочки, терпеливо объясняя разницу между «А» и «О».

— Смо-три, — растягивал я слова, будто жуешь тягучую ириску. — Ко-ро-ва. По-нимаешь? Это не просто набор звуков. Это слово. Оно значит большое рогатое животное, которое дает молоко!

Нейл хмурился, водил пальцем по строке и шептал, с невероятным усилием складывая слоги.

— Ко... ро... Ко-ро-... ва. Коро-ва! Корова! — И тогда его лицо озарилось такой ослепительной радостью открытия, что затмевало все золото в королевской казне. Он не читал — он разгадывал магические заклинания, и каждое разгаданное слово было его личной победой.

А потом настал тот день. Он сидел, высунув кончик языка от усердия, и старательно выводил что-то на чистом листе пергамента. Потом отодвинул его ко мне, весь красный от смущения и гордости. Там, криво, но с адским старанием, было выведено: «Н Е Й Л».

— Это я, — прошептал он, и в его глазах стояли слезы. Не от боли, а от чего-то совсем другого. В этот момент я понял, что значит подарить человеку целый мир. Мир, который для меня всегда был обыденностью.

Но мы не только учились. Мы жили! После занятий мы с визгом носились по саду, как самые обычные мальчишки. Мы играли в прятки за мраморными статуями предков, и я научил его своей коронной тактике — залезать на низко растущие ветви драконьего дуба и замирать, сливаясь с листьями. Мы строили хлипкие крепости из подушек в моей комнате и вели великие сражения, а потом валялись на ковре, задыхаясь от смеха.

Я показывал ему тайные места замка: потайные ходы за шторами, с которых открывался вид на тронный зал, и старый голубятню на заброшенной башне, откуда был виден весь город, как на ладони. Мы тайком пробирались на кухню, и повара, давно закрывавшие на это глаза, угощали нас теплыми, только что испеченными пирожками с мясом, от которых текло прямо по подбородку.

И самое удивительное — меня больше не тянуло сбежать. Все, что было там, за стенами — шумная площадь, ярмарочные представления, — вдруг стало казаться далеким и блеклым по сравнению с тем, что было здесь. Здесь был он. Мой друг. И его удивленный смех, когда он впервые попробовал засахаренные фрукты, его сосредоточенная морщинка на лбу во время чтения, его восторг при виде ночного неба через телескоп — это было самое настоящее приключение.

А Нейл... он ни разу не заикнулся о том, чтобы вернуться на улицу. Тот мир, холодный и голодный, казалось, стерся из его памяти, как плохие чернила с пергамента. Иногда, правда, по ночам он просыпался от кошмаров и тогда молча прижимался к моему плечу, и мы лежали так, слушая, как бьется его сердце, постепенно успокаиваясь. Но утром он снова улыбался. Он был здесь. Он был дома.

И я понял, что отец был не прав. Можно помочь не всем. Но помочь одному — это все равно, что зажечь одну звезду. И ее свет может осветить весь твой мир.

Воздух в бальном зале был густым и сладким, как мед. Он трепетал от тысячи огней хрустальных люстр, переливался на шелках и бархате платьев, звенел тихим перезвоном фарфора и серебра, смешивался с нежными переливами арфы и лютни. Это был день рождения мамы, и весь замок, казалось, вздохнул счастливо и замер в восхищении.

А я стоял у входа и сжимал руку Нейла. Его ладонь была холодной и липкой от волнения. На нем был новый камзол — темно-синий, под цвет ночного неба, с серебряным шитьем на манжетах. Он казался выше и стройнее в этой одежде, но в его глазах читался тот же испуганный зверек, которого я когда-то нашел в переулке. Он вжимал голову в плечи, словно ожидая, что его в любой момент схватят за шиворот и вышвырнут обратно в темноту.

— Ничего, — прошептал я ему, наклоняясь. — Просто иди за мной. Ни на кого не смотри. Смотри только на трон, где сидят мама с папой.

Мы сделали шаг вперед, и золотистый свет люстр упал на нас. Я чувствовал, как каждый мускул в его теле напрягся до предела. Он ждал. Ждал окрика, презрительного взгляда, шепота за спиной, указывающего пальца.

Но ничего не произошло.

Никто не указал на него. Никто не крикнул: «Вон отсюда, уличный сорванец!». Придворные, дамы в огромных платьях, важные чиновники в орденах — они расступались перед нами, кланялись мне, их взгляды скользили по Нейлу с легким, безразличным любопытством, как на нового пажа или юного родственника из дальней провинции. Они улыбались, кивали и отворачивались, погружаясь в свои беседы. Их равнодушие было... оглушительным. И для Нейла — божественным.

Он постепенно начал выдыхать. Его плечи расправились. Шаг стал увереннее. Он осмелился поднять глаза и обвести ими зал, и я видел, как в них отражаются тысячи огоньков, пляшущие в хрустале. Его губы были приоткрыты от немого восторга.

Мы подошли к трону. Мама, вся в жемчугах и улыбке, сияла, как само солнце. Она протянула мне руку для поцелуя.

— С днем рождения, мама! — сказал я громко и четко, а потом тише добавил: — Это Нейл.

Нейл замер, покраснел до корней волос и сделал такой неуклюжий, но трогательный поклон, какого его учили на уроках этикета.

Мама мягко улыбнулась ему, и в ее взгляде не было ни капли удивления или осуждения — лишь теплое, лучистое любопытство.

— Очень приятно, Нейл. Рада тебя видеть на моем празднике.

Отец, сидевший рядом, лишь кивнул со своим обычным невозмутимым видом, но я поймал его быстрый, оценивающий взгляд, скользнувший по новому камзолу Нейла. Молчаливое одобрение.

И потом началось самое волшебное. Мы отступили в сторону, и Нейл, окрыленный, наконец позволил себе смотреть. Он смотрел на все с жадностью первооткрывателя. На то, как кружатся в танце пары, и платья дам раскрываются, как огромные цветы. На слуг, ловко несущих

щие подносы с изысканными яствами, от которых тянулись умопомрачительные ароматы. На самого шута, который жонглировал хрустальными шарами, ловящими и преломляющими свет.

Я видел, как он незаметно тянется к одному из крошечных пирожных, берет его пальцами, боясь уронить, и замирает с ним в руке, словно держит диковинную бабочку. Потом осторожно кладет в рот, и его глаза закрываются от блаженства. В этот момент он был не сиротой из переулка. Он был просто мальчиком на самом прекрасном празднике в его жизни.

Никто не указывал ему на дверь. Никто не бросал косых взглядов. Его присутствие здесь было естественным. Просто еще один гость. Просто еще один ребенок, пришедший поздравить королеву.

И я понял, что это — величайший подарок, который мы могли ему сделать в этот вечер. Не роскошь, не еда, не наряды. А это — чувство принадлежности. Чувство, что ты не чужой. Что тебе здесь рады просто потому, что ты здесь есть. И глядя на его сияющее, ошеломленное счастьем лицо, я почувствовал, что мое сердце готово разорваться от гордости и какой-то щемящей, прекрасной нежности. Это был ее день рождения, но самый главный подарок в этот вечер получил он.

Мы отступили в тень у высокой колонны, обвитой живыми цветами. Отсюда был виден весь зал как на ладони, но нас самих почти не замечали. Нейл, казалось, забыл, как дышать. Его глаза, широкие и сияющие, ловили каждое движение, каждый блик.

— Смотри, — прошептал я, указывая на центр зала, где пара танцоров выделявала особенно сложное па. — Это танец огненных драконов. Каждый поворот — это виток в небе.

Он кивнул, не отрывая взгляда. Его пальцы неосознанно повторяли движения танцоров, сжимаясь и разжимаясь в воздухе. Он был не просто наблюдателем; он был губкой, впитывающей каждую деталь этого волшебства.

Вдруг к нам подошел один из младших пажей, несший поднос с маленькими серебряными кубками, наполненными искристым яблочным сидром. Он почти автоматически протянул поднос сначала мне, потом — Нейлу. И это была не служба, не церемония. Это была простая, бытовая вежливость.

Нейл замер, уставившись на кубок, словно на него смотрела сама королева. Он колеблясь взглянул на меня.

— Можно? — его голос прозвучал как шелест листьев.

— Конечно, — улыбнулся я. — Это же праздник.

Он осторожно, двумя руками, как что-то хрупкое и бесконечно ценное, взял кубок. Сделал маленький глоток. Его глаза снова округлились от удивления — сидр щекотал язык пузырьками, было сладко и незнакомо.

— Нравится? — спросил я.

— Да, — выдохнул он, и на его губах появилась самая настоящая, безудержная улыбка. Первая такая улыбка за весь вечер. Не смущенная, не робкая, а чистая, детская радость.

В этот момент из толпы выделилась маленькая девочка лет семи — леди Элис, дочь герцога, вечно крутящаяся возле взрослых на всех праздниках. Она подбежала к нам, ее банты колыхались.

— Ты кто? — без всякого злого умысла, с простым детским любопытством, ткнула она пальчиком в Нейла. — Я тебя раньше не видела.

Нейл снова съежился, отступив на шаг за мою спину. Но леди Элис не отступала.

— Это Нейл, — сказал я, кладя руку ему на плечо, чувствуя, как он напряжен. — Мой гость.

— О! — Элис тут же потеряла к нему всякий интерес. — А ты пойдешь танцевать, ваше высочество? Все уже танцуют!

И она, схватив меня за руку, потянула в центр зала. Я засмеялся, позволил увлечь себя, но оглянулся на Нейла. Он стоял один, с кубком в руках, и смотрел мне вслед. И в его глазах я увидел не страх, а легкую грусть. Одиночество в самой гуще праздника. Я отпустил руку Элис.

— Подожди тут секунду.

Я вернулся к Нейлу.

— Пойдем со мной.

— Я не... я не умею, — он прошептал, и в его голосе снова зазвучал старый страх — страх сделать что-то не так, опозориться.

— Никто не ждет, что ты будешь танцевать как придворный мастер, — успокоил я его. — Просто смотри и повторяй. Или просто стой рядом. Но стоять здесь одному — скучно.

Я снова взял его за руку — уже теплую и не такую цепкую — и повел за собой. Мы не пошли в самую гущу танца, а встали с краю, где кружились другие дети и менее важные гости. Музыка была живой и веселой. Я начал притоптывать в такт, делать простые шаги, которые когда-то учил. Нейл сначала стоял как вкопанный, но потом, глядя на меня, на других, его плечи начали едва заметно покачиваться. Потом он начал переминаться с ноги на ногу. А потом, когда музыка зазвучала особенно заразительно, он неловко, но в самом настоящем ритме, сделал первый шаг. Потом второй.

Он не танцевал. Он двигался неуклюже, сбиваясь с такта. Но он улыбался. Широкая, счастливая, немного смущенная улыбка не сходила с его лица. Он поймал мой взгляд и фыркнул, когда его ноги почти полностью запутались.

В этот момент он был не сиротой, не уличным мальчишкой, не гостем. Он был просто ребенком на балу. И это было самым большим чудом из всех, что случились с ним в этом замке. Чудом нормальности, которое для него было дороже всех сокровищ мира.

Глава 5

Время во дворце течет иначе. Оно не бежит, как горный поток на улицах города, а плывет, как медленная, величавая река через наши сады. И я не заметил, как пролетело пять лет. Пять лет, которые стерли границы между «моим» и «нашим», превратив двух одиноких мальчишек в нечто большее, чем просто принц и его друг.

Мои покои давно перестали быть только моими. Второй письменный стол у окна, вечно заваленный фолиантами по естествознанию и механике, — это был стол Нейла. На полке рядом с моими моделями драконов стояли его собственные, склеенные с кропотливым терпением из простого дерева, но оттого не менее детальные и любимые. На спинке стула вечно висели два тренировочных костюма — мое, шелковое, с гербом, и его, из простой, но прочной ткани, которую он сам выбрал у портного.

Учеба перестала быть для него пыткой. Тот мальчик, который смотрел на буквы как на магические руны, исчез. Его место занял молодой человек с острым, пытливым умом, впитывавший знания с жадностью, которой позавидовали бы придворные мудрецы. Он все еще писал немного коряво, но его мысли были остры и точны. На уроках истории он мог часами спорить со мной о причинах падения Третьей империи, а на астрономии — без ошибки назвать все крупные созвездия северного полушария. Иногда я ловил на себе взгляд наших учителей — в нем читалось неподдельное уважение. Они видели не сироту, а блестящего ученика.

Но настоящая магия происходила не в библиотеках, а в тренировочном зале. Пахучем потом, деревом и сталью.

Помню его первые дни. Он был тощим, как тростинка, и его выбивало из равновесия дуновением ветра. Учитель фехтования, старый воин с лицом, изборожденным шрамами, смотрел на него скептически. Но я видел другое, я видел огонь в его глазах. Тот самый, дикий, голодный огонь выживания, который горел в нем в переулке. Только теперь его направили в нужное русло.

Он был быстрым, как гадюка, и упрямым, как осел. После тренировок он оставался один, отрабатывая удар за ударом, пока его руки не дрожали от усталости, а на ладонях не выступали кровавые мозоли. Я подходил к нему, молча протягивая кувшин с водой. Он кивал, его грудь ходила ходуном, и в его взгляде читалась не благодарность, а решимость. Соперничество, здоровое и яростное, стало нашим новым языком.

Прошли месяцы, прежде чем наши тренировочные мечи впервые встретились в по-настоящему равном спарринге. Не я — снисходящий учитель, а мы — два противника. Сталь звенела, отскакивая от стали. Он научился использовать свой небольшой рост и скорость, уворачиваясь от моих мощных атак и находя бреши в моей обороне. Он падал. Поднимался. Снова падал. И снова поднимался, стиснув зубы.

А потом пришло время для самого главного — обучения бою в истинной форме. На специально отведенной застекленной площадке, под присмотром дозорных, мы впервые расправили крылья. Вернее, расправил их я. Нейл же стоял рядом, сжав кулаки, его лицо было искажено не болью, а титаническим усилием воли. Он чувствовал зов плоти, чувствовал дракона внутри себя — того, что еще не мог вырваться наружу. Но он не сдавался. Он учился чувствовать мое превращение, учился предугадывать движения огромного тела, учился быть моими глазами на земле, когда я был в небе.

Мы разработали свою тактику, свой язык жестов и криков. Я — сила и мощь с воздуха, он — скорость и точность на земле. Мы были неразделимы. Мы были одним целым.

И среди всей этой учебы и тренировок оставалось место для простой, глупой мальчишеской радости. Мы по-прежнему тайком пробирались на кухню за пирожками. По-прежнему

взбирались на ту самую башню, чтобы смотреть на звезды и болтать обо всем на свете. Его смех стал громким и уверенным, его улыбка — легкой и открытой. Он больше не прыгал от каждого незнакомого звука, не съеживался при виде важного чиновника.

Как-то раз, холодным вечером, мы сидели у камина в моей комнате. Я читал, он что-то чертил в своем блокноте — какую-то схему улучшения водяной мельницы, которую увидел в книге.

— Знаешь, — сказал он вдруг, не отрываясь от чертежа. — Я сегодня во сне видел тот переулок.

Я отложил книгу.

— И?

— И ничего, — он пожал плечами и посмотрел на меня. В его глазах горел не страх, а легкое недоумение. — Просто снилось. Как что-то давнее и нереальное. Как сказка, которую кто-то рассказал, но ты уже забыл, чем она закончилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.